
У МЕНЯ СДЕЛАЛАСЬ ТОСКА...

Болдырев И. А.

д. э. н., проф. кафедры политических наук
Южноукраинского государственного
педагогического университета им. К. Д. Ушинского.
E-mail: olga198005@yandex.ru.

В статье рассматриваются репрессивные действия советской власти по отношению к деятелям науки и культуры в первые годы проведения нэпа (1921–1923 гг.). Одним из проявлений такой политики стала акция, известная теперь под названием «Философский пароход». На основе анализа современной литературы прослеживаются изменения интерпретации этого события и кривая интереса к нему. Особое внимание уделяется малоизученному вопросу об общественной реакции на подобные действия власти.

Ключевые слова: социализм и культура, интеллигенция и власть, новая экономическая политика, судьбы русской интеллигенции, репрессивная составляющая политики советской власти.

The article is dedicated to the repressive actions of the Soviet Government against the leaders of science and culture during the first years of the implementation of the new economic policy (1921–1923). The action known as “Philosophers’ Ships” was the demonstration of this policy. The change of this event interpretation and change of interest to it is traced on the basis of the analysis of modern literature. Special attention is given to a little-known issue of public reaction to such actions of the Government.

Keywords: socialism and culture; the intellectuals and government; new economic policy; destinies of Russian intellectuals; repressive aspect of the Soviet Government.

«У меня сделалась тоска...» – так, четверть века спустя, Н. Бердяев выразил свою реакцию на известие о том, что он навсегда высылается из России [Бердяев 1991: 241]. Эта высылка была составной частью той операции по «очищению» России от инакомыслящей интеллигенции, которая получила обобщенное название «Философский пароход» (1922–1923 гг.). На долгое время она была забыта официальной историографией, хотя нет-нет да и звучали ее отголоски, в одних случаях сфальсифицированные, в других – невнятные и трудно расшифровываемые.

Если до 1953 г. это можно объяснить «режимом», общим состоянием исторической науки, то после XX съезда партии она была в лучшем случае «ленива и нелюбопытна». Работа Д. Голикова, в которой данной акции 1922 г. посвящено несколько стереотипных строк, появилась в 1975 г., но не пробудила к этому эпизоду ни малейшего интереса. Та же участь постигла и впервые опубликованное в том же году письмо В. И. Ленина Ф. Дзержинскому, в котором расписывалось, как готовить изгнание. А комментаторы тома ограничились указанием на то, что

оно «написано в связи с подготовкой высылки за границу антисоветски настроенной интеллигенции». Разыскания же М. Геллера, непосредственно посвященные этому сюжету и напечатанные во Франции в 1978 г., до 1990 г. были нам неизвестны [Голинков 1975; Ленин, т. 54: 265, 648; Геллер 1990].

Конечно, нельзя сказать, что фамилии изгнанников навсегда исчезли. В 1939 г. в седьмом сборнике «Литературное наследство Г. В. Плеханова» еще упоминается Н. Бердяев в такой, правда, трактовке: «Философ и публицист, неокантианец, начавший с “легального марксизма” и перешедший впоследствии к открытому идеализму и богоискательству. После Октября – в белой эмиграции, сотрудник реакционной и поповской прессы». Неизвестно, что тут было от составителей Р. М. Плехановой и Е. С. Коц, но то, что уже окончательно восторжествовал «дух» М. Б. Митина и М. Т. Иовчука, вполне ясно. Память о «вычищенных из России» хранили и их современники. Так, А. В. Азарх-Грановская неоднократно вспоминает о Н. М. Волковыском в своих беседах с В. Д. Дувакиным в 1968 г. Л. Тимофеев 27 октября 1941 г. записал в дневнике: «Говорят, что во главе московского правительства значится И. А. Ильин, знакомый москвичам и в свое время высланный в Германию». Несомненно, в заграничном досье КГБ зафиксировали этот многозначительный факт. С. Голицын в своих мемуарах вспоминает о 1922 г.: «В эти же дни по списку, якобы составленному товарищем Троцким, высылалось за границу семьдесят профессоров Москвы и Петербурга со своими семьями. В списке были философы Бердяев, С. Булгаков, профессора Московского университета Кизеветтер, Новиков, председатель Российского сельскохозяйственного общества профессор Угримов. Словом, изгонялся цвет русской интеллигенции. В том списке был и молодой доцент Московского университета князь Сергей Евгеньевич Трубецкой – наш троюродный брат и сын известного философа князя Евгения Николаевича Трубецкого» [Азарх-Грановская 2001: 72–75; Тимофеев 2002: 163; Голицын 1990]. Одним словом, повторялась известная историкам ситуация, когда вычеркнутые официозом имена (например, декабристов) хранила и передавала из поколения в поколение память людей.

Начало новому витку интереса к данной теме, как это часто бывает, положила публицистика (В. Костиков, С. Хоружий), за которой в любом случае сохраняется достоинство почина [Костиков 1989; 1990а; Хоружий 1990]. Затем появились более широкие публикации. Если в 1990 году Г. Красовицкая жаловалась, что не могла добраться до списков кандидатов на высылку, которые составило ГПУ и представило ПБ ЦК РКП(б) и Ленину, то Л. А. Коган, В. Г. Макаров, А. С. Артизов ознакомились с ними и обнаружили много любопытного [Красовицкая 1990; Коган 1993; Макаров 2002; Артизов 2003].

Проведенные изыскания доказали прежде всего несводимость проблемы к двум немецким пароходам, вывезшим в Германию представителей передовой российской интеллигенции. Они свидетельствуют о том, что акция носила более глобальный характер. Для пояснения нашей мысли сравним подзаголовки двух статей, которые являются граничными в процессе научного раскрытия сути вопроса. Одна положила начало обсуждению, вторая предварила подготовку документальной базы для дальнейшего исследования.

Первая статья написана уже упомянутым М. Геллером, доктором исторических наук, профессором Сорбонны, вторая – А. Артизовым, доктором исторических наук, тогда первым заместителем руководителя Федеральной архивной служ-

бы России, в 2003 г. Один автор пишет: «К истории высылки из Советского Союза деятелей культуры в 1922 году». Второй – «К истории высылки интеллигенции в 1922 году». Представляется, что речь идет об одном и том же предмете. На самом же деле вторая формулировка значительно шире, она указывает на то, что действительно скрывалось за «акцией», предпринятой советской властью. Если М. Геллер акцентировал внимание на высылке «из Советского Союза», то А. Артизов в полном соответствии с исторической реальностью говорит о «высылке» как за границу, так и в отдаленные родные места.

Правда, время и тут наложило свой отпечаток. Поскольку РСФСР на востоке имела несколько иную границу, то выселять из нее можно было только до территории ДВР, а поскольку последняя была независимой, но духом «нашенская», она в свою очередь высылала неугодных в Россию. Или такой момент: сначала из Украины (СССР еще был в проекте) изгоняли интеллигентов на Запад (в Чехословакию, Польшу, Югославию), но потом украинское партийное руководство, сообразив, что тем самым укрепляет «национализм», добилось, правда, не без некоторых усилий, разрешения высылать в Россию. Да и с врачами у всех выходила неувязка (лечить-то было надо), и их меньше по сравнению с религиозными мыслителями или историками выслали за границу.

Расширение «поля» исследования направило усилия ученых на создание обобщающей картины репрессий против интеллигенции в 1922 г. В этом смысле ценными являются любые штрихи, которые в дальнейшем помогут ее создать.

Определенный вклад в последние годы внесли одесские исследователи. В. Левченко, например, посвятил свою статью видному одесскому филологу, прославившему в дальнейшем ленинградскую школу, И. М. Тронскому (Троцкому), во многом связанному с описываемыми событиями [Левченко 2007: 220–240]. В 1919 г. он был наряду с О. Л. Вайнштейном, К. П. Добролюбским, Г. В. Флоровским так называемым «профессорским стипендиатом». По возрасту и положению они были, говоря определением другой науки, кандидатами в «попутчики». Кроме Г. В. Флоровского, который эмигрировал в 1920 г., они, по крайней мере в этот период (1921–1923 гг.), успешно прошли полосу «перевоспитания», объявленного советской властью¹. Иначе сложилась судьба большинства старой научной элиты. Уже в августе – сентябре 1922 г. из вузов Одессы увольняют ряд арестованных преподавателей – историков, медиков, физиков, некоторых отправляют на пенсию. Среди них историк А. В. Флоровский, брат Г. В. Флоровского, будущий пассажир «философского парохода», в то время сотрудник Археологического института и директор Научной библиотеки, отделившейся от Одесского университета. При всех разночтениях о составе «философских пароходов» и «философских поездов» написано довольно много. Что касается «одесского следа», о котором мы здесь говорим, следовало бы добавить несколько штрихов. Речь идет о такой фамилии, как Флоровские. Их было три брата (Антоний, Василий, Георгий) и сестра Клава. Двое из братьев – Антоний (историк) и Георгий (философ, один из «евразийцев») – широко известны, а третий (Василий) был основательно забыт (умер в 1924 г.). Между тем это был крупный представитель советской, украинской, одесской хирургии. Мой друг по Одесскому университету, старший

¹ Уехавшего Г. Флоровского уже много лет традиционно вспоминают в Центре его имени, созданном при ОНУ им. И. Мечникова (Одесский... 2009).

и по возрасту, и по курсу, носивший, безусловно, в ранце маршальский жезл, или, если хотите – Мендель-букинист, с грустью писал в одной из своих заметок: «Даже Ольга Васильевна Флоровская, родная дочь хирурга, родившаяся в январе 1924 года и преподававшая в Одесском и Кишиневском университетах, мало что помнила из рассказов матери об отце, хотя многое могла бы узнать от своего дяди, Антония Васильевича, если бы пожелала навестить его во время туристической поездки в Злату Прагу, где известный русский славист пользовался большой славой» [Галяс 1996: 7]. Такая же участь постигла физиолога Б. П. Бабкина, медика Д. Д. Крылова, ставшего гордостью болгарской медицины. Из недавно опубликованных документов стала известна его характеристика чекистами: «Тип довольно хитрый... как ученый ценности не представляет» [Вечерняя Одесса 1992; Коган 1993: 68]. Преследованию подвергались ученые созданного на развалинах университета института народного хозяйства – профессора П. Михайлов, А. Мулюкин, Е. Трифилев. Активную роль во всем этом играл первый политкомиссар института Н. Моисеев, который считал, что все они вредили советской власти, проводя среди студентов политику саботажа. В литературе называются также имена К. Е. Храневича (кооператор), А. Ф. Дуван-Хаджи (хирург), С. А. Соболя (зоолог) и др. В допросах поражает трафаретность, свидетельствующая о централизованности операции от Москвы до Петербурга, от Казани и Твери до Одессы. Следователи заученно спрашивали: как относитесь к советской власти? как связаны с Европой? как с эмиграцией? как с высшей школой? Затем следовало бездумное заключение: что бы ни говорили допрашиваемые, как вывод идущая от Троцкого формула – «научной ценности не представляет». Людей не пытали, но спущенную директиву выполняли. События в Одессе вызвали гневную реакцию И. П. Павлова. Во многом, очевидно, это было вызвано тем, что Б. П. Бабкин был его любимым учеником. Известно также, что в этот спор вмешался Н. И. Бухарин своей брошюрой «О мировой революции, нашей стране, культуре и прочем», защищая действия власти, доказывая, что великий ученый зашел «в тупик» в своих взглядах на марксизм, классовую борьбу, культуру и др.²

Московские и петербургские историки, которым в плане доступности центральных архивов и карты в руки, больше интересовались, естественно, «своими» изгнанниками. Но в их работах достаточно свидетельств и о положении дел в Украине. Так, приводятся данные, что в украинском списке, утвержденном ЦК партии 3 августа 1922 г., значилось 77 фамилий (список был утвержден в Москве без обсуждения). К высылке из Киева было намечено 17 человек (в Константинополь через Одессу). В этих статьях встречаются неточности, но главное состоит в том, что они дают толчок к дальнейшим поискам. Конечно, в соответствии с духом времени все не так просто. Никто прямо не защищал философов и историков, но мнения о высылке ученых-специалистов расходились.

Но все это, однако, только детали репрессий. Многие вопросы остаются неясными, не до конца раскрытыми. Тем более что тут действительно есть сложность – можно «утопить» акцию в общей линии усиления тоталитарного режима, но можно выделить ее так, что к ней все сведется. К тому же на всем освещении проблемы продолжает лежать оттенок сенсационности, некой оторванности от исторической обстановки тех лет. Поэтому стоит вкратце о ней напомнить.

² Издана в Ленинграде в 1924 г.

* * *

Сначала о постоянно действующих факторах. 1921 г. начался двумя крупнейшими событиями: 1) введением X съездом «осадного положения в партии»³, обозначенного миной замедленного действия – секретным пунктом о запрещении фракций; 2) провозглашением новой экономической политики. Если первое было достаточно подготовлено всей историей «бековской» части РСДРП, то второе, предопределенное инстинктом самосохранения, означало в этот период «пересмотр всей точки зрения на социализм». После этих двух зигзагов события ближайших десяти лет (в обоих параметрах) неслись с головокружительной быстротой, завершившись закономерным установлением тоталитарного режима.

Как определенный этап этого процесса 1922–1923 гг. занимают свое достаточно четкое место и представляют особый интерес [Высылка... 2011: 285–297]. Прежнее приравнивание их к последующим, даже ближайшим, годам то ли из любви к Ленину, то ли из ненависти к Сталину не выдерживает критики. Это были в целом «тихие годы» между кровавым периодом Гражданской войны и удушьем, установившимся за вторую половину двадцатых годов. Показательны такие цифры: арестовано за 1921 г. – 35829, в 1922 г. – 6003, в 1923 г. – 4794, в 1924 г. – 12425, в 1925 г. – 15995, в 1926 г. – 17804 и т. д. по нарастающей. Такой серьезный и вдумчивый наблюдатель, как В. Ходасевич, в 1926 г. писал: «Говорю о нынешней России. Я уехал отсюда четыре года тому назад, но зная, что было, и читая тамошние газеты и журналы, могу вычислить, что есть. Не из эмигрантского “запала” говорю: РСФСР 1922 года и эпохи “военного коммунизма” либеральнейшая страна в сравнении с СССР 1926 года» [Ходасевич 1997: 115]. Этим выводам как бы вторят воспоминания отца С. Фуделя и князя С. Голицына, которым, хотя они написаны на 40 лет позже, нельзя не верить, благодаря или вопреки сану мемуаристов. Они прежде всего подчеркивали греховный процесс «обмирщения», в силу которого с 1922 по 1933 г. появилась новая Россия [Фудель 1991; Голицын 1990: 204–205]. В целом главная линия на сохранение насилия продолжалась. Троцкий писал в апреле 1924 г.: «Это был период, когда Ленин при каждом подходящем случае вколачивал мысль о неизбежности террора. Всякие проявления прекраснодушия, маниловщины, халатности – а всего этого было хоть отбавляй – возмущали его не столько сами по себе, сколько как признак того, что даже верхи рабочего класса не отдают еще себе достаточного отчета в чудовищной трудности задач, которые могут быть разрешены лишь мерами чудовищной же энергии» [Луначарский и др. 1991: 87–88].

Более конкретные ориентиры 1922–1923 гг. могут быть обозначены следующим образом:

1) дальнейшее развертывание хозяйственной политики в нэповском направлении, что наложило свой заметный, обнадеживающий отпечаток на весь строй жизни общества;

2) непрекратившееся и никуда не исчезнувшее после десятого съезда брожение в партии, связанное с ее дальнейшей бюрократизацией;

3) ликвидация силой основных очагов крестьянских Вандей (1921–1922 гг.), что облегчалось новой линией по отношению к крестьянству;

³ Этот термин, ставший очень распространенным после известных работ Авторханова, был позаимствован им у Л. Мартова из брошюры 1904 г.

4) установление советской власти почти на всей территории прежней России: в Закавказье (март 1922 г.), Средней Азии (на протяжении года) и ДВР (конец 1922 г.);

5) внесудебная и судебная расправа с религией, разграбление церковных ценностей под флагом борьбы с голодом (решение XI съезда партии, секретное письмо В. И. Ленина от 19 марта 1922 г.) [Известия... 1990: 190–193];

6) возрастание влияния внешнеполитического фактора (Генуя, Рапалло, Гаага, Лозанна), необходимость считаться с мировым общественным мнением, что вносило свои коррективы и во внутреннюю политику;

7) новый виток наступления на буржуазную интеллигенцию, начатый письмом Л. Троцкого в редакцию и статьей В. Ленина «О значении воинствующего материализма»⁴, опубликованных в специально созданном журнале «Под знаменем марксизма», и позднее закрепленный жесткой резолюцией XII партийной конференции «Об антисоветских партиях и течениях»;

8) преследование и фактическая ликвидация меньшевиков и эсеров (громкий процесс над вторыми, добровольный отъезд и высылка первых);

9) волна массовых арестов среди научной и творческой интеллигенции, ужесточение контроля над программами и содержанием курсов по общественным наукам; реорганизация высшей школы с четким намерением выслать из страны определенную группу неугодных, чтобы молодежь не разлагали и другим было неповадно;

10) последние надежды на близкую мировую революцию (Г. Зиновьев в 1920 г. был уверен, что следующий конгресс Коминтерна будет проходить в Берлине, а в 1921 г. призывал в честь 50-летия Коммуны установить советскую власть во Франции), развеянные во многом поражением авантюристических выступлений коммунистов в Германии и Болгарии (1923 г.);

11) обострение внутри высшей партийной элиты борьбы за «наследство», вызванное тяжелой болезнью В. И. Ленина (1922–1923 гг.).

В таком сложном противоречивом взаимодействии разнонаправленных сил и была осуществлена *одновременная, коллективная, семейная высылка* из Москвы, Петрограда, Саратова, Казани, Киева, Харькова, Одессы и некоторых других городов выдающихся ученых, писателей и общественных деятелей. Это и позволяет рассматривать ее как специфическую, отдельную акцию наряду с другими действиями советской власти, направленными против старой интеллигенции. Н. Бердяев в «Самопознании» говорит, что это была очень странная мера, которая потом уже не повторялась [Бердяев 1991]. Среди руководства РКП было достаточно образованных людей, чтобы вспомнить об остракизме в Древней Греции, сам Бердяев прекрасно знал практику царской России, когда был выслан А. Герцен, когда К. Леонтьев требовал «изгнать, изгнать Соловьева из пределов Империи...», «употребить все усилия, чтобы Вл. Соловьева выслали (навсегда или до публичного покаяния)» [Лосев 1989: 63]. На глазах самого Бердяева осенью 1920 г. с почестями выпроводили Ю. Мартова, в марте 1921 г. из Грузии сразу же после установления в ней Советской власти выслали в Берлин 62 политических деятеля [Арутюнов 2002], а в 1922 г. одного за другим выдворили меньше-

⁴ Название статьи, несомненно, взято у Г. В. Плеханова, которому принадлежит работа «Materialismus militans» («Воинствующий материализм»).

виков (Ф. Дана, Б. Николаевского, Л. Дан, Е. Гринвальд, С. Шварца), главных «помгольцев» (Е. Кускова, С. Прокопович), историка С. Мельгунова. В 1940 г., когда писались воспоминания, Н. Бердяев не мог забыть участь самого Л. Троцкого, вывезенного из Одессы в Турцию на пароходе с красноречивым именем «Ильич». Скорее всего, Н. Бердяев имел в виду не сам факт высылки, а ее форму. Архивы до сих пор во многом хранят технологию проведенной операции, и, быть может, со временем мы узнаем, почему сейчас ведем речь о «философском пароходе», а не о «философском поезде».

Представляется, что для понимания атмосферы того времени и ее восприятия участниками событий с обеих сторон наиболее подходит запись К. Чуковского, сделанная в его дневнике: «Высылка как лучший выход витала в воздухе, ее хотели и те и эти...» [Чуковский 2003, т. 1: 122]. Причем сотни и сотни «этих». Достаточно прочесть дневник Ю. В. Готье, чтобы понять, как ему было обидно, что он не попал в число изгоняемых: «...уже в январе поползли слухи о высылке профессоров за неблагонадежность: хорошо бы попасть в их число» [Готье 1993: 158]. А. С. Булгаков считал, что он вылез «из каменного мешка в свободный мир» [Булгаков 1989: 246]. М. Осоргин, подлинный летописец «парохода», через 14 лет писал: «Проклинаю и благодарю за это реалистов русской политики, по праву власти калечивших мою судьбу» [Костиков 1990б: 423]. Смятение старой интеллигенции превосходно отразил великий В. Вернадский. Находясь в 1922 г. во Франции (читал лекции в Сорбонне), он записал 3 ноября в своем дневнике: «Говорят, что сейчас реакция движется “вправо”, – но куда идти “вправо”, идти дальше в существующей реакции, с точки зрения свободной научно творческой человеческой личности. Сейчас нет свободы слова и печати, нет свободы научного искания, нет самоуправления, нет не только политических, но даже гражданских прав. Нет элементов уважения и обеспеченности личности» [Важно... 1996: 108]. Двойственность, которую мы отмечаем, должна была уменьшаться по мере того, как атмосфера в Советском Союзе становилась все душнее, или вообще исчезнуть, сменяясь одним неприятием.

Скоро наступило время, когда «выбирать» уже было нельзя. В прекрасной статье петербургской исследовательницы Н. К. Телетовой, описывавшей разгром правовой науки Ленинграда в 1925 г., приводятся безгранично грустные слова Пунина из его дневника: «О расстреле нет официального сообщения; в городе, конечно, все об этом знают, по крайней мере в тех кругах, с которыми мне приходится соприкасаться; в среде служащей интеллигенции. Говорят об этом с ужасом и отвращением, но без удивления, настоящего возмущения... Чувствуется, что скоро об этом забудут... Великое отупение и край усталости» [Телетова 1998: 117].

Подготовка высылки заняла около полугода (март – август 1922 г.), проведение – около пяти месяцев (август – декабрь). За ней, как известно, внимательно следил В. И. Ленин. Д. Волкогонов упоминает ленинскую записку, в которой тяжело больной вождь дает советы Сталину, как поступить с еще остающимися на воле «злейшими врагами большевизма» [Волкогонов 1991: 41]. Операцию старались проводить в строгой тайне. Пока в августе в Царском Селе Лосские, и молодые и старые, танцевали, их заносили в списки изгоняемых. Конкретика этих событий достаточно широко освещена в литературе.

Поэтому в современных исследованиях большое внимание уделяется размышлениям о том, что было бы с изгнанниками, если б того, что случилось, не

было. Но, во-первых, нам хорошо известна их последующая судьба, в основном счастливая, однако иногда и трагическая (Л. Карсавин, Н. Волковыцкий). Разбор будущих судеб изгнанников увел нас очень далеко. Но нужно иметь в виду, что в России они были очень разные: Бердяев не любил Г. В. Флоровского, а Г. В. Флоровский резко выступал против Л. Карсавина; Ильин не любил Бердяева и т. д. Порой закрадывается мысль: не могли ли все это учитывать ЦК партии и ЧК при формировании списков? Конечно, могли, но разве им было дело до того, что все они (высылаемые) были едины в своей преданности Мысли.

Во-вторых, надо иметь в виду, что акция так и была задумана и никак иначе она не могла произойти. Это поэт, но не историк, имеет право написать: «Ленин выпустил эту ораву опостылевших профессоров, хоть не выплеснул эту отраву на рассвете в зияющий ров» [Ваншенкин 2007: 57].

* * *

Тема высылки интеллигенции в 1922 г. изучается ровно два десятилетия. Общая картина уже прояснилась. Но есть моменты, которые обуславливают необходимость продолжать ее разработку. Это, во-первых, преодоление новых мифов, которые сложились или начинают складываться; во-вторых, остается почти не изученным вопрос о численности и доли тех, кто был выслан в пределах РСФСР и Украины; в-третьих, фактически отсутствует вопрос о реакции общества на происшедшее в 1922 г. Объем статьи не позволяет подробно остановиться на нашем видении этих проблем, поэтому ограничимся краткими замечаниями.

Первое. Почти все авторы, пишущие о высылках (особенно за границу), рисуют их в драматических красках. Между тем ставшие к настоящему времени известными источники свидетельствуют о противоположном. Не драматизм, а обыденность происходящего должна поражать прежде всего. Ну какой, скажите, драматизм, если П. Сорокин устраивает скандал заместителю народного комиссара иностранных дел Карахану за то, что от него требуют уезжать за свой счет. Или когда студенты Московского университета устраивают проводы А. Кизеветтеру колонной, растянувшейся от старого здания на Моховой до Волхонки, где жил историк. Или если молодую Угрюмову-Решикову с цветами провожает в купе со многими близкий ей человек, а в Петрограде встречают многочисленные родственники. Или если семья Лосских на пару дней (до отплытия парохода) размещает у себя семью Бердяевых, а сами философы ведут ученые дискуссии. Или если коллеги Н. О. Лосского устраивают ему домашние проводы и т. д. и т. п. [Бакунина 1995: 211–214; Решикова 1992: 203 и сл.; Лосский 1993]. Правда, известны и некоторые другие сведения, которым, однако, просто нельзя доверять в силу их очевидной неправдивости [Блок-Баерс 2001: 198]. Повторимся, поражает не трагичность происходящего, а его неестественная естественность.

Второе. При всей разнице в подсчетах численности высланных за границу наиболее достоверной является такая цифра – около двухсот. Но еще труднее выяснить, сколько же было отправлено в ссылку в пределах страны. Тут могу добавить одно собственное наблюдение. В свое время, занимаясь историей Южно-украинского педагогического университета имени К. Д. Ушинского, я обратил внимание, но не придавал этому значения, на практику высылки из Украины в РСФСР. Скорее всего, это и были отголоски анализируемой акции. Так или иначе,

перед нами новое «белое пятно» отечественной истории, которое предстоит стереть будущим исследователям.

Третье. Вопрос об общественном резонансе, который имели высылки, видимо, очень непросто. Нельзя, конечно, всерьез принимать велеречивое заявление Э. Радзинского о том, что «в это время проводится акция, потрясая интеллигентскую Россию» [Радзинский 1997: 193].

Спрашивается, а кто же это – «вся интеллигентская Россия»? Сразу же исключаем партийно-советскую верхушку – Ленина, Каменева, Троцкого, Бухарина. Затем все высшее руководство Наркомпроса, Наркоминдела, ВСНХ, ВЧК и других органов, задействованных в «операции», а это Луначарский, Покровский, Брюсов, Волгин, Чичерин, Литвинов, Майский, Дзержинский, П. Богданов. Затем Горького и Рязанова: много сделавшие для защиты помгольцев, эсеров и меньшевиков, они на этот раз промолчали. Затем все организации типа РАПП, ЛЕФ, «Молодая гвардия», «Кузница» и пр. Затем Маяковского, мишенью которого постоянно были изгнанный Айхенвальд и чудом уцелевший П. Коган. Затем Серафимовича и Бедного, книги которых только и давались читать в недавно возникших «предварилках». Затем руководство всех крупных литературных журналов (Воронский, Полонский и др.). А. Воронский в 1922 г. утверждал, что «в великой социальной борьбе нужно быть фанатиком». В. Полонский, защищаясь от нападок напостовцев, стремясь их уязвить, пишет, что их разглагольствованиям грош цена, а их ошибки ведут прямо в объятия Айхенвальда, Замятина, прямо в контрреволюционную яму. И он же по поводу «Шиповника», единственный номер которого вышел в 1922 г.: «Противен Эфрос, прожженный правый, соратник Степуна и Бердяева» [Полонский 2008а: 126; 2008б: 146]. Такую же характеристику он дает «Русскому современнику», четыре номера которого вышли в 1924 г. Затем исключаем Пастернака, Есенина, Мандельштама, хорошо знавшего П. Сорокина, «Серапионов» и вообще «попутчиков»: они в эти годы мирно путешествовали по Америке, Франции, Германии и сотрудничали в журнале, издаваемом Ф. Степуном сразу же после своей высылки (Н. Никитин, Л. Леонов, Л. Гроссман, М. Шагинян). В существовавшем литературном приложении к газете «Накануне» (Берлин) при посредничестве А. Воронского печатались М. Горький, К. Федин, Вс. Иванов, С. Есенин. На протяжении определенного времени и высланные, и приезжие общались без боязни. Правда, когда дело зашло слишком далеко (советские заграничные учреждения широко пользовались услугами изгнанных), ЦК принял специальное запрещающее решение. Затем – Вересаева, который в ночь на новый 1923 г. в Кремле, у Каменева, при активной поддержке Дзержинского и Сталина (последний, кстати, в это же время спас от закрытия ГОСЕТ [Гейзер 2004: 56]) добился издания дорогого ему романа «В тупике». А если вспомнить, что за несколько дней до новогоднего застолья состоялся воистину роковой по своим последствиям для судеб страны разговор (21 декабря) Сталина и Крупской, что накануне Москва пережила грандиозные торжества по случаю образования СССР (30 декабря), что в буквальном смысле за стеной обреченный Ленин диктовал «Завещание» и до него могли доноситься звуки музыки в исполнении Шора, Эрлиха и Крейна, а Анненков рисовал всех присутствующих, то проступает воистину шекспировская картина. 17 декабря 1922 г. Пришвин записал: «Был в Москве

у Каменева, говорил ему о “свинстве”, а он... вывел так, что они-то (властители) не хотят свинства и вовсе они не свиньи, а материал свинский (русский народ), что с этим народом ничего иного не поделаешь» [Пришвин 1995: 116]. Затем исключим Эренбурга, который в 1921 г. уехал в Германию и на которого А. Толстой как на «экспонат из Советской России» собирал эмигрантов, и самого Толстого и Соколова-Микитова, только-только вернувшихся на родину. Последний писал в 1962 г.: «В моей жизни это был незабываемый, решивший судьбу год... После долгих заморских скитаний на чистеньком немецком пароходе я вернулся в Россию» [Воспоминания... 1981: 70]. Не был ли это один из тех пароходов, который месяцем-другим позже увез изгнанников в обратном направлении? Правда, потом его ждали многие неприятности, и, быть может, он не раз вспоминал горьковские слова, будто бы сказанные при прощании: «В Россию задумал вернуться? Смотри, Иван. Большевики тебе пузо вспорют, кишку вынут, гвоздем к столбу приколют, всю жизнь тебя вокруг столба гонять будут, пока все кишки не вымотают» [Соколов-Микитов 1991: 165]. Из Швеции при содействии В. Воровского возвратилась чета Грановских. Было сменовеховство и евразийцы. К тому же надо учесть, что чуть легче, чуть сложнее в 1922 г. покинули советскую Россию В. Ходасевич, Б. Зайцев, М. Цветаева, Г. Иванов, И. Одоевцева, М. Шагал, сбежал Б. Шкловский, не от хорошей жизни, но добровольно. Писателей пока еще вообще не трогали, хотя такие, как Е. Замятин, Б. Пильняк, подверглись резкой критике. Затем исключим Грановского, Мейерхольда и вообще корифеев театра, которые переживали в эти годы период «бури и натиска». Затем – Анненкова, Филонова и художников вообще, которым еще только предстояли испытания. Наконец, мы законно негодуем по поводу высылки интеллигенции, но какова же была реакция коллег-философов? Достаточно перелистать журнал «Под знаменем марксизма», чтобы задохнуться от атмосферы классовой ненависти: «Энциклопедия», которая вызвала протест даже Бухарина, хотя он и сам считал, что интеллигентов надо штамповать, как гвозди; статья С. Миниха «Философию за борт»; отклик К. Луппола, может быть, лучшего из них, о книге Франка был односторонним: «Каким-то диким анахронизмом представляется в наши дни этот выученик Николая Кузанского; за современной философской видимостью Франка скрывается средневековая схоластика. А ведь книжка предназначена для широких масс читателей» [На переломе... 1990: 126]. Этот ряд можно продолжать и продолжать.

Не говоря уже о том, что в это же время, в 1923–1925 гг., начались оживленные дискуссии о судьбах русской интеллигенции, в которых приняли участие умнейшие люди России: Ю. Ключников, М. Рейснер, П. Сакулин и др. Но имена высланных уже были преданы забвению. «Парохода» как не было, хотя Луначарский, призывая к сотрудничеству, прямо заявил, что свободы для Булгаковых не будет [Судьбы... 1991].

Но, повторимся, тут есть проблема, большая проблема, как по многим другим аспектам депортации 1922 г. Так что успокаиваться еще рано. Поэтому немного подправим Константина Ваншенкина. У поэта сказано: «И печально в балтийском просторе / Философский *гудел* пароход», мы же скажем: «Философский *гудит* пароход».

Литература

Азарх-Грановская А. В. Воспоминания. Иерусалим. М., 2001. (Azarkh-Granovskaya A. V. Memoirs. Jerusalem. Moscow, 2001).

Артизов А. С. Очистим Россию надолго // Отечественные архивы. 2003. № 1. С. 65–96. (Artizov A. S. We will clear Russia for a long time // Domestic Archives. 2003. No. 1. Pp. 65–96).

Арутюнов А. Ленин. Личностная и политическая биография: в 2 т. М.: Вече, 2002. Т. 2. С. 72. (Arutyunov A. Lenin. Personal and political biography: in 2 vols. Moscow: Veche, 2002. Vol. 2. P. 72).

Бакунина Т. А. Воспоминания о Кизеветтере // Археографический ежегодник за 1993 год. М., 1995. С. 211–214. (Bakunina T. A. Memories of Kizevetter // Archaeographical year-book for 1993. Moscow, 1995. Pp. 211–214).

Бердяев Н. Самопознание. М., 1991. (Berdyayev N. Self-Cognition. M, 1991).

Блок-Баерс Р. Нью-Йорк – Москва – Сибирь по этапу // Звезда. 2001. № 9. С. 194–204. (Blok-Bayers R. New-York - Moscow - Siberia by prisoner transport // Zvezda. 2001. No. 9. Pp. 194–204).

Булгаков С. Моя родина // Новый мир. 1989. № 10. С. 246. (Bulgakov S. My Homeland // New World. 1989. No. 10. P. 246).

«Важно содержание: свобода слова, мысли, веры»: Из дневников В. И. Вернадского 1922–1925 гг. // Исторический архив. 1996. № 5–6. С. 106–117. ('The content is important: Freedom of speech, thoughts, beliefs': From V. I. Vernadsky's diaries of 1922–1925 // Historical Archive. 1996. No. 5–6. Pp. 106–117).

Ваншенкин К. Ленин выбросил эту ораву // Знамя. 2007. № 2. С. 57. (Vanshenkin K. Lenin made away with this crowd // Znamya. 2007. No. 2. P. 57).

Вечерняя Одесса. 1992. 8 августа. (Evening Odessa. 1992. August 8).

Волкогонов Д. Ленин: в 2 кн. Кн. II. М., 1991. (Volkogonov D. Lenin: In 2 books. Book 2. Moscow, 1991).

Воспоминания о Константине Федине: сб. / сост. Н. К. Федина. М., 1981. (Memoires about Konstantin Fedin: Collected works / Ed. by N. K. Fedina. Moscow, 1981).

Высылка интеллигенции в 1922 году // Гуманітарні науки в світі музикантів. Одеса, 2011. С. 285–297. (Dispatch of the intellectuals in 1922 // The Humanities in the light of music. Odessa, 2011. Pp. 285–297).

Галяс В. Доктор В. В. Флоровский – выпускник Новороссийского университета // Одесский университет. 5 мая. 1996. С. 7. (Galyas V. Doktor V. V. Florovsky – a graduate of the Novorossiysk University // Odessa University. May 5. 1996. P. 7).

Гейзер М. Михоэлс. М., 2004. (Geyser M. Mikhoels. Moscow, 2004).

Геллер С. «Первое предостережение» – удар хлыстом // Вопросы философии. 1990. № 9. С. 37–66. (Geller S. 'The first caution' – a blow with a whip // Philosophical Questions. 1990. No. 9. Pp. 37–66).

Голинков Д. Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. М., 1975. (Golinkov D. L. Crash of the Anti-Soviet underground in the USSR. Moscow, 1975).

Голицын С. Записки уцелевшего. М.: Орбита, 1990. (Golitsyn S. Notes of the survivor. Moscow: Orbit, 1990).

Готье Ю. В. Мои заметки // Вопросы истории. 1993. № 3. (Gotier Yu. V. My notes // *Voprosy istorii*. 1993. No. 3).

Известия ЦК КПСС. 1990. № 4. С. 190–193. (News of the Central Committee of CPSU. 1990. No. 4. Pp. 190–193).

Коган Л. А. Выслать за границу безжалостно // Вопросы философии. 1993. № 9. С. 61–84. (Kogan L. A. To expel abroad cruelly // *Philosophical Questions*. 1993. No. 9. Pp. 61–84).

Костиков В. Последний пароход // Литературная газета. 1989. 13 сентября. (Kostikov V. Last steamship // *Literaturnaya gazeta*. 1989. September 13).

Костиков В. Изгнание из рая // Огонек. 1990а. № 24. С. 14–16. (Kostikov V. Expulsion from paradise // *Ogonyok*. 1990a. No. 24. Pp. 14–16).

Костиков В. Не будем проклинать изгнание... М., 1990б. (Kostikov V. We will not damn expulsion... Moscow, 1990b).

Красовицкая Т. Что имеем, не храним... // Московские новости. 1990. 20 мая. (Krasovitskaya T. We know not what is good ...// *Moscow News*. 1990. May 20).

Левченко В. Иосиф Моисеевич Троцкий (Тронский). Судьба и творческий путь. – Юго-Запад // Одессика. 2007. № 4. С. 220–240. (Levchenko V. Yosif Moiseevich Trotsky (Tronsky). Destiny and career. – Southwest // *Odessika*. 2007. No. 4. Pp. 220–240).

Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 54. (Lenin V. I. Complete collection of works. Vol. 54).

Лосев А. Ф. И не погаснет то, что раз в душе зажглось // Юность. 1989. № 6. С. 61–64. (Losev A. F. Once lit in the soul will never go out // *Yunost*. 1989. No. 6. Pp. 61–64).

Лосский Б. Н. Наша семья в пору лихолетья // Минувшее. 1993. № 12. (Lossky B. N. Our family during bad time // *The Past*. 1993. No. 12).

Луначарский А., Радек К., Троцкий Л. Силуэты: политические портреты. М., 1991. (Lunacharsky A., Radek K., Trotsky L. Silhouettes: Political portraits. Moscow, 1991).

Макаров В. Г. Власть ваша, а правда наша // Вопросы философии. 2002. № 10. С. 108–155. (Makarov V. G. Power belongs to your and the truth belongs to us // *Philosophical Questions*. 2002. No. 10. Pp. 108–155).

На переломе. Философские дискуссии 20-х годов: философия и мировоззрение / сост. П. В. Алексеев. М., 1990. (At the turn. Philosophical discussions of the 20th years: Philosophy and world view / Ed. by P. V. Alekseev. Moscow, 1990).

Одесский вестник. 2009. 16 мая. (Odessa Messenger. 2009. May 16).

Полонский В. Моя борьба на литературном фронте // Новый мир. 2008а. № 4. (Polonsky V. My fight on the literary front // *New World*. 2008a. No. 4).

Полонский В. Моя борьба на литературном фронте // Новый мир. 2008б. № 5. (Polonsky V. My fight on the literary front // *New world*. 2008b. No. 5).

Пришвин М. М. Дневники. 1920–1922 гг. М., 1995. (Prishvin M. M. Diaries. 1920–1922. Moscow, 1995).

Радзинский Э. Сталин. М., 1997. (Radzinsky E. Stalin. Moscow, 1997).

Решикова В. А. Высылка из РСФСР // Минувшее. 1992. № 11. С. 200–209. (Reshchikova V. A. Expulsion from the RSFSR // *The Past*. 1992. No. 11. Pp. 200–209).

Соколов-Микитов И. С. Из карачаровских записей // Новый мир. 1991. № 12. (Sokolov-Mikitov I. S. From karacharovsky notes // New world. 1991. No. 12).

Судьбы русской интеллигенции. Материалы дискуссий 1923–1925 гг. / отв. ред. В. Л. Соскин. Новосибирск, 1991. (Destinies of the Russian intelligentsia. Materials of the discussions of 1923–1925 / Ed. by V. L. Soskin. Novosibirsk, 1991).

Телетова Н. К. Дело лицеистов // Звезда. 1998. № 6. С. 115–131. (Teletova N. K. The crime of lyceum students // Zvezda. 1998. No. 6. Pp. 115–131).

Тимофеев, Л. Дневник военных лет // Знамя. 2002. № 6. С. 139–185. (Timofeev L. The diary of military years // Znamya. 2002. No. 6. Pp. 139–185).

Фудель С. Воспоминания // Новый мир. 1991. № 3–4. (Fudel S. Memoirs // New world. 1991. No. 3–4).

Ходасевич В. Ф. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 4: Некрополь. Воспоминания. Письма. М.: Сogласие, 1997 [Электронный ресурс]. URL: http://rusbook.com.ua/russian_classic/hodasevich_vf/izbrannyye_pisma.15328/?page=1 (дата обращения 05.03.2012). (Khadasevich V. F. Collected works: in 4 vols. Vol. 4: Necropolis. Memoirs. Letters. Moscow: Soglasie, 1997 [Electronic resource]. URL: http://rusbook.com.ua/russian_classic/hodasevich_vf/izbrannyye_pisma.15328/?page=1 (Accessed: 05.03.2012)).

Хоружий С. Философский пароход // Литературная газета. 1990. 9 мая. (Horuzhy S. Philosophical steamship // Literaturnaya gazeta. 1990. May 9).

Чуковский К. Дневник. 1901–1969: в 2 т. Т. 1. М.: Олма-Пресс, 2003. С. 122. (Chukovsky K. Diary. 1901–1969: in 2 vols. Vol. 1. Moscow: Olma-Press, 2003. P. 122).